

К ТЕОРИИ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗАЛОГА

(ОПРЕДЕЛЕНИЕ. ИСЧИСЛЕНИЕ)

И. А. МЕЛЬЧУК, А. А. ХОЛОДОВИЧ

0. Настоящая статья имеет сугубо предварительный характер. Ее цель — определить некоторые общие направления исследования в сложной системе залоговых отношений. Поэтому в ней сознательно допускаются грубые, иногда — расплывчатые формулировки, оставлен в стороне ряд релевантных фактов и т. д. В частности, мы полностью отказались от хотя бы беглого анализа огромной литературы по залогам; этим объясняется полное отсутствие ссылок.

1. Начнем с рассмотрения наиболее простого (в интересующем нас плане) примера — двух предложений русского языка:

- (1) *Ян убил Пана,*
(2) *Пан убит Яном.*

Оба эти предложения обозначают одно и то же, т. е. описывают одну и ту же ситуацию, а именно — ситуацию «убийства», «лишения жизни», участниками которой являются два лица (их принято называть субъектом действия и объектом действия).

В древнекитайском этим предложениям в точности соответствуют предложения

- (3) *Ян ша Пан,*
(4) *Пан ша юй-Ян.*

Они обозначают ту же ситуацию с тем же составом участников.

При этом предложения древнекитайского языка соотнесены с предложениями русского так: предложение (3) = предложению (1), а не (2); предложение (4) = предложению (2), а не (1). На чем основано это отождествление? Оно основано на анализе соотношения «внешнего» оформления названий участников ситуации с самими участниками ситуации. Тем самым мы вводим три следующих понятия: ситуация, участник ситуации и (внешнее) оформление названия участника ситуации.

Исключительно важное для дальнейшего изложения понятие **ситуации** принимается в качестве неопределяемого. Ситуация — это все то, что происходит, имеет место; названиями ситуаций в естественных языках бывают глаголы, предлоги (*до* — 'предшествовать', *из-за* — 'причина'), союзы (*если* — 'условие'), прилагательные, многие существительные (*Пожар!*, а также *любовь, наступление, честность* и т. п.), словосочетания (*принимать решение, нести потери*) и целые предложения (*Идет дождь*).

Одной из центральных характеристик ситуации является число и конкретная природа ее участников — **актантов** (термин Л. Тенбера).

Ситуация понимается здесь не просто как фрагмент физической реальности, выделяемый на основе каких-то внеязыковых принципов, а как представление «куска» действительности, «вырезаемого» данной лексической единицей рассматриваемого языка; поэтому состав актантов определяется (лексикографическим) толкованием названия данной ситуации. Другими словами, сколько переменных необходимо в толковании некоторого слова, столько актантов и имеет называемая этим словом ситуация.

Мы исходим из предположения, что умеем выделить актанты ситуации, обозначаемой любым глаголом любого рассматриваемого языка. Эти актанты мы назовем **семантическими**. Для общности мы будем говорить о них как о субъекте (S), первом объекте (O₁), втором объекте (O₂) и третьем объекте (O₃). Ясно, что названия эти весьма условны: в тех или иных конкретных случаях следовало бы, возможно, говорить об «адресате», «инструменте», «месте» и т. п.; однако для наших целей удобнее более общие и, так сказать, менее обязывающие названия.

Параллельно актантам семантического уровня естественно рассматривать **синтаксические** актанты. Это — подлежащее и дополнение.

Вопрос о том, что такое подлежащее и дополнение (в отличие, например, от обстоятельства), здесь вряд ли уместно решать¹. Достаточно согласиться, что существуют подлежащее и разные дополнения; от того, как именно мы проведем границу между подлежащим и первыми, вторыми и третьими дополнениями в рассматриваемом языке, зависит только конкретная трактовка того или иного залога (что в данном случае нас не интересует), но не сама конструкция наших рассуждений.

Итак, мы получили два ряда понятий. У каждого глагола в принципе имеются:

1) семантические актанты — субъект, первый объект, второй объект, третий объект (S, O₁, O₂, O₃);

2) синтаксические актанты или члены предложения — подлежащее, первое дополнение, второе дополнение, третье дополнение (обозначим синтаксические актанты через 1, 2, 3 и 4 соответственно).

Между семантическими и синтаксическими актантами одного и того же глагола в общем случае нет однозначного соответствия: во-первых, некоторые семантические актанты глагола могут не выражаться никакими его синтаксическими актантами; во-вторых, некоторые синтаксические актанты глагола могут не выражать ни один из его семантических актантов.

Пример несоответствия первого типа дает глагол *промахнуться*. Этот глагол описывает ситуацию с четырьмя актантами (или, по крайней мере, с тремя — если не учитывать факультативное орудие). Однако синтаксических актантов у *промахнуться* — не четыре и не три, а только один. *Промахнуться* нельзя употребить ни с названием объекта (не говорят **Я промахнулся в окно*), ни с названием средства (не говорят **Я промахнулся камнем* или **У меня / мой камень промахнулся*), ни с названием орудия (не говорят **Я промахнулся из рогатки* или **У меня / моя рогатка промахнулась*). Русский язык, как правило, допускает соединение глагола *промахнуться* только с подлежащим, которое является названием субъекта действия — первого семантического актанта.

Японский глагол *хадзурэру* 'промахнуться' также имеет четыре указанных семантических актанта, но при нем возможны те синтаксические актанты, которые запрещены в русском и, наоборот, запрещен тот синтаксический актант, который разрешен в русском (выражение субъекта

¹ Стоит, по-видимому, отметить, что дополнениями в отличие от обстоятельств целесообразно считать, в частности, те зависимые члены, которыми выражаются семантические актанты управляющего слова.

ситуации). Например, *Тамава матоо хадзурэма* 'Пуля не попала в цель', *Писторува матоо хадзурэма* 'Пистолет не попал в цель', но не **Бокува матоо хадзурэма* 'Я не попал в цель'².

Любопытно, что испанский глагол *fallar* 'промахнуться' при тех же самых семантических актантах имеет только два синтаксических актанта — подлежащее для обозначения субъекта (как в русском) и прямое дополнение для обозначения объекта (как в японском): *Cuando Pedro falló su liebre*. . . букв. «Когда Педро промахнулся в своего зайца. . .».

Примеры несоответствия второго типа можно найти среди глаголов вроде *брить*. *Брить* значит 'А срезает (особым образом) волосистой покров В'³: *Иван бреет (себе) бороду, усы, бакенбарды* и т. д. Однако дополнения при *брить* могут и не обозначать В: *Иван¹ бреет Петра²*, *Иван¹ бреет Петру³ бороду²*, *Иван¹ бреет Петру³ ногу⁴*, где *Петр* (первое или второе дополнение) не обозначает семантический актанта глагола *брить*.

Различение двух рядов понятий — семантических и синтаксических — при исследовании залога само по себе не ново; вполне обычно разграничение «логического, или реального, субъекта / объекта действия» и «грамматического подлежащего / дополнения». Однако новшество заключается в последовательном сопоставлении этих обоих одновременно рассматриваемых рядов и исчислении всех мыслимых соотношений между единицами того и другого ряда. (Беглое сопоставление развиваемого здесь подхода с предшествующими точками зрения см. ниже.)

2. Теперь, возвращаясь к нашему исходному примеру в начале статьи, мы можем сказать, что предложения (1) и (3) характеризуются следующей схемой соответствия между семантическими и синтаксическими актантами:

субъект	объект
подлежащее	дополнение

тогда как предложения (2) и (4) характеризуются «обратной» схемой соответствия:

субъект	объект
дополнение	подлежащее

Так мы вводим понятие **схемы соответствия** между указанными выше семантическими и синтаксическими актантами: это — указание, какой семантический актанта отвечает какому именно синтаксическому, и наоборот. Важным частным случаем соответствия, как уже отмечалось, является отсутствие для единицы одного уровня соответствующей единицы другого уровня⁴.

² Вопрос о совместимости актанта мы здесь не рассматриваем.

³ Глагол *брить*, по-видимому, допускает и иное толкование. Не имея возможности углубляться здесь в дебри всех тонкостей построения лексикографических толкований, мы выбираем ту трактовку, которая имеет более общий характер и предусматривает большее число разных соотношений. Это удобно тем, что на первых порах позволяет исследовать проблему залога в максимально общей форме.

⁴ Выписывая приведенные схемы соответствия, мы сознательно допустили ряд неточностей, например, не различали разных типов дополнений (прямого и агентивного). Благодаря этому удалось для начала упростить весьма сложную и запутанную по существу картину.

Теперь мы можем сделать решающий шаг.

Назовем схему соответствия семантических и синтаксических актантов *диатезой* (*diáthesis* — греческий эквивалент русского термина «залог»). Термин едва ли вызовет возражения, если иметь в виду, что различия схем, или таблиц соответствия, как это видно из русских примеров *Ян убил Пана* и *Пан убит Яном*, действительно связаны с залогами.

3. Выше мы привели две схемы соответствия, или две диатезы глагола *убить*, реализованные в русских предложениях *Ян убил Пана* и *Пан убит Яном*. Но у этого глагола в русском языке может быть, кроме того, еще одна диатеза:

субъект	объект
—	дополнение

реализованная в предложении *Пана убили*.

Спрашивается, можно ли теоретически предсказать, какое максимальное количество схем соответствия мыслимо для глагола *убить* и ему подобных? Оказывается, что ответ на данный вопрос является положительным. Это означает, что совокупность схем соответствия, или диатез, можно исчислить. Прделаем это в виде опыта над глаголами типа *убить*, *строить* и т. д. Глаголы такого типа имеют (согласно их толкованию) по два участника ситуации: субъект и объект (кто строит — что строит и т. д.). Пусть даны только два члена предложения: подлежащее и дополнение. Нетрудно показать, что если ограничиться рассмотрением только тех управляемых глаголом членов предложения, которые выражают семантические актанты, то у любого глагола типа *убить*, *строить* и т. п. может быть максимум с е м ь схем соответствия, или семь диатез⁵. Перечисляя их, мы будем приводить примеры (иногда — достаточно условные) с глаголом *строить*.

Во-первых, на уровне синтаксиса могут быть выражены как субъект, так и объект. Здесь возникают две возможности:

а) «прямая», что дает диатезу

субъект	объект
подлежащее	дополнение

Например, *Московские метростроевцы строят в Баку метро*;

б) «обратная», что дает диатезу

субъект	объект
дополнение	подлежащее

Например, *Киевское метро строится московскими метростроевцами*⁶.

⁵ Сняв указанное ограничение, мы получим еще шесть диатез, которые мы здесь не перечисляем.

⁶ Допустив в качестве рассматриваемого члена предложения еще одно дополнение, мы можем получить еще одну диатезу

субъект	объект
дополнение	дополнение

Например, *Ветром сорвало крышу*.

Диатеза с двумя подлежащими в принципе немыслима.

Во-вторых, на уровне синтаксиса может быть выражен только субъект. Здесь возникают тоже две возможности:

а) «прямая», что дает диатезу

субъект	объект
подлежащее	—

Например, *Московские метростроевцы уже отстроились (а ленинградские еще нет)*. В этом примере *отстроились* имеет дополнительное значение «кончать», и поэтому русский пример не вполне корректен. Предложение *Он дразнится* более точно представляет эту диатезу;

б) «обратная», что дает диатезу

субъект	объект
дополнение	—

Например, *Построено метростроевцами Москвы* (в надписи на плите у входа в тоннель), если принять, что *построено* не допускает при себе ответа на вопрос «что».

В-третьих, на уровне синтаксиса может быть выражен только объект. Здесь тоже возникают две возможности:

а) «прямая», что дает диатезу

субъект	объект
—	дополнение

Например, *У нас строят метро*, если принять, что глагол *строят* не допускает при себе ответа на вопрос «кто». *Зарезало человека* точно представляет эту диатезу;

б) «обратная», что дает диатезу

субъект	объект
—	подлежащее

Например, *У нас строится метро*, если принять, что глагол *строится* не допускает при себе ответа на вопрос «кем».

Наконец, в-четвертых, на уровне синтаксиса могут быть не выражены ни субъект, ни объект. Несколько упрощая положение дел, мы получим диатезу

субъект	объект
—	—

Например, *Строят!*, если принять, что *строят* здесь не допускает при себе ответа ни на вопрос «кто», ни на вопрос «что». Ср. *Стучат! Грабят!* или надпись «*Опасно! Идет строительство!*».

Примечание. На стр. 112 слово «прямой» означает «имеющий свой член предложения», а слово «обратный» означает «имеющий не свой член предложения». Между прочим, точно так же в морфологической операции конверсии удобно различать «свое» и не «свое» спряжение. Например, японский глагол *ном у* в «своем спряжении» означает «пить», а «не в своем» (*ном-э*) «питься». Это, в свою очередь, говорит о том, что между семантическими актантами и членами предложения имеется какая-то корреляция, основанная на иерархии «весов».

Возьмем теперь глаголы, называющие ситуации с тремя участниками: субъектом, первым объектом и вторым объектом. Допустим, что при них может быть три члена предложения: подлежащее, первое дополнение и второе дополнение. Согласимся также для упрощения дела не рассматривать случаи, когда синтаксический актант глагола не отвечает никакому непосредственному семантическому актанту этого глагола. Тогда число возможных схем соответствия, или диатез, возрастает, как показывает табл. 1, до тридцати четырех.

Приведем только фрагмент этого исчисления (для трех семантических актантов и трех членов предложения), а именно те случаи, когда каждому члену предложения соответствует семантический актант. Обозначив подлежащее цифрой 1, первое дополнение — цифрой 2, второе дополнение — цифрой 3, а отсутствие синтаксического выражения — символом \emptyset , мы получим следующую таблицу (табл. 1):

Таблица 1

S O ₁ O ₂	S O ₁ O ₂	S O ₁ O ₂	S O ₁ O ₂	S O ₁ O ₂	S O ₁ O ₂	S O ₁ O ₂	S O ₁ O ₂
1 2 3	\emptyset 1 2	1 \emptyset 2	1 2 \emptyset	\emptyset \emptyset 1	1 \emptyset \emptyset	\emptyset 1 \emptyset	\emptyset \emptyset \emptyset
1 3 2	\emptyset 1 3	1 \emptyset 3	1 3 \emptyset	\emptyset \emptyset 2	1 \emptyset \emptyset	\emptyset 1 \emptyset	\emptyset \emptyset \emptyset
2 1 3	\emptyset 2 1	2 \emptyset 1	2 1 \emptyset	\emptyset \emptyset 3	2 \emptyset \emptyset	\emptyset 2 \emptyset	\emptyset \emptyset \emptyset
2 3 1	\emptyset 2 3	2 \emptyset 3	2 3 \emptyset	\emptyset \emptyset 3	2 \emptyset \emptyset	\emptyset 2 \emptyset	\emptyset \emptyset \emptyset
3 1 2	\emptyset 3 1	3 \emptyset 1	3 1 \emptyset	\emptyset \emptyset 3	3 \emptyset \emptyset	\emptyset 3 \emptyset	\emptyset \emptyset \emptyset
3 2 1	\emptyset 3 2	3 \emptyset 2	3 2 \emptyset	\emptyset \emptyset 3	3 \emptyset \emptyset	\emptyset 3 \emptyset	\emptyset \emptyset \emptyset
6 диатез	6 диатез	6 диатез	6 диатез	3 диатезы	3 диатезы	3 диатезы	1 диатеза

Итого: 34 диатезы

Языковые примеры (в достаточной степени условные) шести диатез, показанных в первом столбце таблицы 1, даны в табл. 2:

Таблица 2

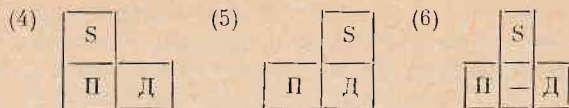
Семантические актанты	S O ₁ O ₂	S — он, he; O ₁ — грязь, book; O ₂ — ботинки, I
Синтаксические актанты	1 2 3	Он счистил грязь с ботинок. — He gave me a book.
	1 3 2	Он очистил ботинки от грязи. — He begave me with a book.
	2 1 3	Грязь счищена им с ботинок. — A book was given to me by him.
	2 3 1	Ботинки очищены им от грязи. — I was given a book by him.
	3 1 2	У него грязь счистилась с ботинок (Петра).
	3 2 1	У него ботинки (Петра) очистились от грязи.

Если глагол выражает ситуацию лишь с одним участником (субъектом), то при условии, что рассматриваются лишь два члена предложения: подлежащее и дополнение, причем исключаются подлежащее и дополнения, не выражающие семантические актанты, число возможных диатез оказывается равным трем:

(1)	S	(2)	S	(3)	S
	П		Д		—

Например: Я здесь хожу, Мною здесь хожено, Здесь уже хожено.

Если же снять указанное выше ограничение, то число диатез увеличивается на три:

Первую и пятую диатезу мы встречаем, например, в японских предложениях: *Карэно окусанга синда* 'Его жена умерла' (*окусанга* 'жена' — подлежащее) и *Карэва окусанни синарэта* 'У него умерла жена' (*окусанни* 'жена' — дополнение, а подлежащему *карэва* 'у него', букв. «он», не отвечает никакой семантический актанта глагола 'умереть').

Разумеется, подобное исчисление говорит не о том, сколько диатез есть реально в каждом конкретном языке, а о том, сколько их в нем может быть. И каждый конкретный язык распоряжается членами этого исчисления по-своему.

Очевидно, нет ни одного языка, в котором хотя бы у одного глагола были все диатезы. Языки отличаются друг от друга, в частности, именно набором схем соответствия, или диатез. Например, в русском языке у глагола *писать* отсутствует японская диатеза

субъект	объект
—	подлежащее

воплощенная в предложении *Тэгамига кайтэ ару* 'Письмо написано', где глагол *кайтэ ару* 'написано' не может отвечать на вопрос «кем». Из четырех следующих диатез языка шиллук в русском возможна только одна:

<i>yá cwóla X</i>	'Я зову X-а'.
<i>yá' cwóto</i>	'Я зову' в смысле 'Я занят зовом' (дополнение, отвечающее на вопрос «кого», здесь невозможно).
<i>yán acwóli X</i>	'Я зовусь X-м' в смысле 'Меня зовет X'.
<i>yá' cwólo</i>	'Я зовусь' в смысле 'Меня зовут' (дополнение, отвечающее на вопрос «кем», здесь невозможно).

Зато в языке шиллук отсутствует русская диатеза, реализованная в предложении *Меня зовут*.

Разумеется, наряду с регулярными схемами соответствия, которые повторяются во многих десятках и сотнях глаголов, существуют схемы соответствия нерегулярные («идиоматичные»), как, например, у глагола *промахнуться* (см. выше).

4. Мы завершили три больших раздела статьи на тему «Залог», а между тем до сих пор о залоге формально почти ничего не сказали. И все же определение залога фактически у нас в руках. Напомним, что такое диатеза. Диатеза — это схема соответствия между участниками синтаксической структуры и участниками семантической структуры, или, иначе, схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня — синтаксическими и семантическими актантами. Отсюда простой переход к определению залога: **з а л о г** есть формальное и регулярное обозначение в глаголе соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Короче, **залог — это грамматическая маркированная в глаголе диатеза.**

Выше мы дали фрагмент исчисления из семи диатез для глаголов типа *строить* и т. д., где в качестве семантических единиц выступают субъект и объект, а в качестве синтаксических — подлежащее и дополнение. Если каждая из этих диатез будет маркирована в глаголе, то мы получим ровно семь залогов (цифры по-прежнему обозначают: 1 — подлежащее, 2 — дополнение, \emptyset — отсутствие члена предложения):

Таблица 3

S O	Примеры	Залог
1 2	рус. <i>Бабушка ругает внука</i> польск. <i>Policjanci złapali go</i> 'Полицейские схватили его' нивх. <i>H'i larq ot-m'</i> 'Я рубашку шью' шилдук <i>yá swólá X</i> 'Я зову X-а' (так наз. аппликативный актив)	Актив
2 1	рус. <i>Этот тоннель строится метростроителями</i> шилдук <i>yán awólí X</i> 'Я зовусь X-м' (в смысле 'Меня зовет X') (так наз. аппликативный пассив)	Пассив
1 \emptyset	рус. <i>Бабушка ругается</i> нивх. <i>H'i n'ot-m'</i> 'Я шью' (в смысле 'Я занят шитьем', букв. «я шьюсь») шилдук <i>yá' sódto</i> 'Я зову' (в смысле 'Я занят зовом') (так наз. качественный актив)	Объектный имперсонал
\emptyset 2	рус. <i>Задавило человека. Подали обед</i> польск. <i>Złapano go</i> 'Его схватили' литов. <i>Laukiama svečio</i> 'Ждут гостя' эстон. <i>Tartus ehitatakse uut silda</i> 'В Тарту строят новый мост'	Субъектный имперсонал
\emptyset 1	русский пример не известен яп. <i>Tэгамига кайте ару</i> 'Письмо написано' шилдук <i>yá' sizlo</i> 'Я зовусь' (в смысле 'Меня зовут') (так наз. качественный пассив) араб. <i>кутила</i> 'Он убит'	Объектный квазипассив
2 \emptyset	рус. <i>Мне мечтается</i>	Субъектный квазипассив
\emptyset \emptyset	рус. <i>Убивают! Грабят!</i>	Абсолютный имперсонал

Примечания: Обращаем внимание на то, что при объектном имперсонале невозможны ответы на вопросы «кого», «что» (отсюда запрет на дополнение), в субъектном имперсонале — на вопросы «кто», «что» (отсюда запрет на подлежащее), в объектном квазипассиве — на вопрос «кем» (отсюда запрет на дополнение), в субъектном квазипассиве — на вопрос «что» (отсюда запрет на подлежащее).

Абсолютный имперсонал с таким же правом можно было бы назвать абсолютным квазипассивом: предложение *Здесь идет строительство* с равным успехом может означать и «здесь кто-то что-то строит» и «здесь кем-то что-то строится». Теоретически возможен язык, в котором эти два залога различаются.

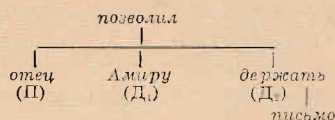
Как это ни звучит сверхнеправдоподобно, но 34 диатезы, полученные выше для трех семантических актантов (субъекта, первого объекта и второго объекта) и трех членов предложения (подлежащего и двух дополнений) с ограничением на члены предложения, не выражающие семантические актанты, маркированные каждая в глаголе, дают 34 залога. Все же

повода для особых волнений нет. Достаточно вспомнить бесчисленные у Шахматова, а позже у Виноградова собственно-возвратный, обще-возвратный, косвенно-результативно-возвратный, кратко-пассивно-возвратный, средне-пассивно-возвратный, качественно-пассивно-безобъектный и т. д. и т. п. залого и их значения, чтобы обрести должное спокойствие. А ведь Шахматов и Виноградов имели дело только с одним русским языком, мы же претендуем на универсальную схему, исчисляющую все возможные залого во всех возможных языках мира ⁷. Кроме того, в нашей схеме мы занимаемся не перечислением разнородных объектов, число которых предвидеть нельзя, а их принципиальным исчислением, которое основано на строгих непротиворечивых посылах и по самой своей природе всегда дает конечное число возможных объектов.

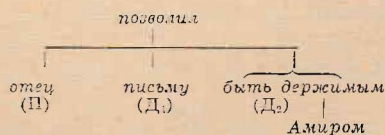
5. Итак, мы определили залог как формальное обозначение в глаголе соответствия между синтаксическими и семантическими актантами этого глагола. Выражение «формальное обозначение в глаголе» следует понимать в полном соответствии с принимаемой нами теорией означающего. Означающими в языке могут быть либо образование специального знака — синтетического (аффикс) или аналитического (аналитическая форма), либо преобразование знака, имеющее двоякий характер: либо операция над его означающим (модификация), либо операция над его синтактикой (конверсия). Присоединяя к *строить* морф(ем)у *-ся*, мы имеем дело с аффиксацией. Образуя от *строить* сочетание *быть построенным*, мы имеем дело с аналитической формой ⁸. Изменяя в языке шиллук актив *swɔlá*

⁷ О том, какие здесь могут быть «экстравагантности», говорит пример одновременного образования двух пассивов в одном предложении индонезийского языка. Последовательный процесс «порождения» мы даем по-русски, изображая каждый шаг в виде дерева. Конечный результат приводится по-индонезийски.

(1) Исходное дерево:

(2) Первое преобразование (пассивизация второго глагола):

(3) Второе преобразование (пассивизация первого глагола):

Результирующая индонезийская фраза:

Dibiarkan¹ ajah² surat³ itu⁴ dipegang⁵ Amir⁶. букв. 'Письмо^{3,4} было¹ позволено¹ отцом² быть⁵ держимым⁵ Амиром⁶', т. е. 'Отец оставил письмо в руках Амира'. Здесь *di-* — префикс пассива, П, Д₁, Д₂ в скобках при узлах дерева — соответственно подлежащее, первое дополнение, второе дополнение. Обратите внимание на «Одиссею» существительного *письмо*: оно из слова третьего уровня, не входящего в число актантов — слуг главного глагола в вершине, перешло в число актантов главного глагола сперва в качестве первого дополнения, а затем и подлежащего!

⁸ Точно так же, как в древнекитайской форме пассива *цзянь фа* 'подвергнуться нападению' от *фа* 'пасть' (одно государство на другое).

на квазипассив *siŋlo*¹, мы пользуемся модификацией, т. е. апофонией. Если считать, что в японских предложениях *Karēwa sono kawa o wataru* 'Он переходит эту реку' и *Karēni sono kawa o watareru* 'Для него эта река переходима' мы встречаемся с диатезой, то формальное отношение глагола *wataru* во втором предложении к глаголу *wataru* в первом предложении имеет характер конверсии: *wataru* образовано от *wataru* операцией «внутренней» конверсии, поскольку переход от *wataru* к *wataru* совершается путем замены номера спряжения. Даже в древнекитайской оппозиции *Ян ша Пан* 'Ян убил Пана': *Пан ша юй-Ян* 'Пан убит Яном' можно считать, что глагол действительного залога *ша* принял (!) форму (!) пассива, если расширить понятие конверсии и ввести понятие «внешней» конверсии, допуская, что изменение синтаксического окружения слова, имеющее регулярный характер, тоже является формальным средством выражения «значения» глагола: $X \text{ ша } Y$ — актив, но $X \text{ ша } ZY$ — пассив.

6. Реальное число залогов в каждом конкретном языке гораздо меньше дедуктивно исчисляемого: ни один язык никогда не реализует грамматическими способами всех данных ему от природы семантических возможностей. В этом мы убедились, когда приводили примеры на семь возможных залогов. Нам не удалось проиллюстрировать нашу таблицу (см. табл. 3) из семи залогов на одном конкретном языке, или хотя бы на каком-либо одном глаголе этого языка.

С точки зрения формальной морфологии здесь в принципе могут быть две крайности. Одна крайность: актив выступает как исходный залог (в нем можно видеть, так сказать, залоговый «именительный падеж»), а для всех остальных залогов язык обходится одной единственной формой, т. е. имеет всего два морфологических залога, один из которых просто-напросто сигнализирует о сдвиге в диатезе, о переходе от актива к неактиву; конкретный характер этого сдвига определяется окружением.

Другая крайность — это выражение каждого мыслимого залога особой морфемой. В реальных языках такая крайность нам неизвестна. Но отдаленное представление о ней можно составить по языку марапао на Филиппинах — языку уникальному в том отношении, что здесь каждая новая диатеза, возможная для данного глагола, обозначается в глаголе своим аффиксом. Например, глагол *sombali*² 'убивать' имеет следующие залогов:

(1) Актив: *s-om-ombali*²; признак — инфикс *-om-*; употребляется в предложениях, где подлежащее⁹ соответствует субъекту. Например: *Somombali*²¹ *so tama*²² *sa karabao*³ *ko maior*⁴ 'Человек² убивает¹ буйвола³ для мэра⁴'.

(2) Объектный пассив: *sombali*²-*in*; признак — суффикс *-in*; употребляется в предложениях, где подлежащее соответствует объекту. Например: *Sombali*²*in*¹ *o tama*²² *so karabao*³ *ko maior*⁴ 'Буйвол³ убивается¹ человеком² для мэра⁴'.

(3) Адресатный пассив: *sombali*²-*an*; признак — суффикс *-an*; употребляется в предложениях, где подлежащее соответствует адресату или месту. Например: *Sombali*²*an*¹ *o tama*²² *so maior*³ *sa karabao*⁴ 'Мэр — это-тот-для кого (подлежащее!)³ человек² убивает¹ буйвола⁴'.

⁹ Признаком подлежащего является предлог *so* перед именем. Остальные предлоги несут следующие функции:

Агентивное дополнение	Объектное дополнение	Дополнение адресата, места и инструмента
o	sa	ko

(4) Инструментальный пассив: *i-sombali*²; признак — префикс *i-*; употребляется в предложениях, где подлежащее соответствует инструменту. Например: *Isombali*² *o tama*² *so gelat*³ *sa karabao*⁴ 'Нож — это-чем (подлежащее!)³ человек² убивает¹ буйвола⁴'.

Обычно языки колеблются между указанными крайностями: всего два морфологических залога, с одной стороны, и полный набор морфологических залогов — с другой. Здесь мы, естественно, отвлекаемся от обсуждения вопроса о возможности выражения одного и того же залога несколькими морфологическими способами, как в русском, итальянском и других языках. Это проблема совершенно иного плана.

7. Особого рассмотрения заслуживают диатезы и формирующиеся на их основе залогов в области дополнений. Мы имеем в виду случаи типа

S	O ₁	O ₂	S	O ₁	O ₂
1	2	3			
1	3	2	1	3	∅
1	2	∅	1	∅	3
1	∅	2	1	∅	∅

т. е. те диатезы, в которых соответствие между субъектом и подлежащим остается постоянным, а все изменения соответствия разыгрываются между объектами и дополнениями. Эта область меньше всего привлекла внимание исследователей (исключение составляют разве лишь Филмор и Апресян). С залогом же ее вообще никто не связывал — поскольку здесь указанные выше операции изменения соответствия нередко сопряжены с более или менее значительными изменениями смысла. Например:

(1) *Saja*ю огурцы на грядки. — *Zasajivaja*ю грядки огурцами.

(2) *Ljublju neposredstvennost*ь в детях. — *Ljublju detej za neposredstvennost*ь.

(3) *He sprayed paint on the wall* 'Он разбрызгал краску по стене'. — *He sprayed the wall with paint* 'Он обрызгал стену краской'.

Изменения в смысле едва ли позволяют говорить здесь о диатезе.

Но есть немало случаев, когда изменения соответствия явно не сопряжены с изменением значения. Например:

(1) *Jaja* очищаю ракушки от грязи. — *Jaja* счищаю грязь с ракушек.

(2) *He loaded bricks onto the truck* 'Он погрузил кирпичи на грузовик'. — *He loaded the truck with bricks* 'Он нагрузил грузовик кирпичами'.

Здесь мы встречаемся, по-видимому, с фактом диатезы. Однако нерегулярный характер изменений глагола, скажем, в русском (ведь нет правила, что при конверсии дополнений приставка *o-* обязательно меняется на *e-*), или просто отсутствие изменения глагола, например в английском, не позволяют говорить о том, что здесь диатеза «породила» залог.

Очень интересны, но почти совершенно не исследованы с точки зрения их отношения к диатезе (литература нам не известна) случаи типа

Jaja выбил пыль из ковра. — *Jaja* выбил ковер.

Особый интерес представляет индонезийский язык, где изменение соответствий между O₁, O₂ и Д₁, Д₂, видимо, имеет характер залога, поскольку регулярно сопровождается чередованием аффиксов *-kan* и *-i*. Например:

(1) *Ia*¹ *menaburkan*² *bunga*³ *dilantai*⁴ 'Он¹ сылет² цветы³ на⁴ пол⁴'.

(2) *Ia*¹ *menaburi*² *lantai*³ *dengan*⁴ *bunga*⁴. 'Он¹ осыпает² пол³ цветами⁴'.

(1) *Ia*¹ *memindjamkan*² *uang*³ *kepada*⁴ *saja*⁴ 'Он¹ дает² в² долг² деньги³ мне⁴'.

(2) *Ia*¹ *memindjami*² *saja*³ *uang*⁴ 'Он¹ одалживает² меня³ деньгами⁴'.

(1) *Ia*¹ *membelian*² *anakanak*³ *buahbuahan*⁴ 'Он¹ купив-угощает² детей³ фруктами⁴'.

(2) *Ia¹ membeli² buahbuahan³ untuk⁴ anak-anak⁴* 'Он¹ угощает-купив² фрукты³ детям⁴'.

8. Предложенное определение залога расходится с теми определениями, которые даются в классических работах по русскому залого. Наше определение основывается на понятии соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Классические определения либо игнорируют этот принцип соответствия, либо явно его отрицают. Явным отрицанием можно считать, например, рассуждение А. В. Исаченко: «То, что является решающим для характеристики глагольного залога в собственном смысле этого термина, сводится к разнице в природе отношений между подлежащим (S) и глаголом (V). Пытаясь вскрыть грамматическую природу залогов, мы, в первую очередь, должны будем отказаться от некоторых „неграмматических“ понятий и герминов, неизменно фигурирующих в изложениях о грамматической природе залогов. К таким „неграмматическим“, то есть по природе своей чисто логическим понятиям относится „производитель действия“ („агент“, agens) и „реальный объект (цель) действия“. В предложении *Дом построен опытным архитектором* нас будут интересовать исключительно грамматические отношения: существительное *дом* является, с точки зрения грамматики, подлежащим предложения и ничем иным, а сочетание *опытным архитектором* — членом предложения в творительном падеже и ничем иным. С точки зрения грамматики совершенно безразлично, что существительное *дом* обозначает здесь — „собственно говоря“ — „реальный объект (цель) действия“, а „реальным производителем действия“ является „собственно говоря“, *опытный архитектор*. Для грамматического анализа замена грамматических отношений логическими ничего не дает» (А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка. Морфология, т. II, 1966, стр. 354). А. В. Исаченко не замечает, что при определении залога дело идет не о замене одного уровня другим, а о привлечении обоих уровней сразу и установлении соответствия между ними.

В менее явной форме та же односторонность обнаруживается и в классических определениях Потемби, Фортунатова, Шахматова и других, которые должны быть рассмотрены особо. В этих определениях участвует максимум три единицы: либо подлежащее, дополнение и глагол-сказуемое, т. е. единицы исключительно синтаксического уровня, либо субъект, объект и действие, т. е. единицы исключительно семантического, или в традиционной терминологии — «логического», уровня (мы оставляем в стороне определения, в которых термины «субъект» и «объект» употреблены вообще с неизвестным значением). Однако с таким набором понятий нельзя отличить даже страдательный залог от действительного, оппозиция которых предполагает различие в отношениях между семантическими и синтаксическими единицами. Если, скажем, определять залог как отношение между глаголом, подлежащим и дополнением и понимать при этом «отношение» как наличие / отсутствие, то мы получим четыре отнюдь не залоговых категории:

Т а б л и ц а 4

Подлежащее	Дополнение	Пример	Класс глаголов
есть	есть	<i>Тучи обложили небо.</i>	подлежащно-переходные
нет	нет	<i>Подморозило.</i>	бесподлежащно-непереходные
есть	нет	<i>Воркуют голуби.</i>	подлежащно-непереходные
нет	есть	<i>Меня тошнит.</i>	бесподлежащно-переходные

Здесь мы видим лишь деление глаголов на классы, а не выделение залогов, ибо грамматический залог — это определение отношения между формами одного и того же глагола.

И если все же языковеды, работавшие над исследованием конкретных залогов, добились известных результатов, то объясняется это тем, что, изучая конкретные залогов, они сами не принимали всерьез свои общие определения залога, бессознательно игнорировали их. Так, А. В. Исаченко при разграничении страдательного и действительного залогов, в дополнение к общему определению залога, вводит новое понятие «направление действия», не замечая, что слово «направление», выдаваемое за синтаксическое, на деле контрабандой вносит в определение семантические понятия субъекта и объекта: ведь сказать, что действие «направлено от подлежащего», — это значит утверждать, что подлежащее соответствует субъекту действия, а сказать, что действие «направлено на подлежащее», — это значит утверждать, что подлежащее соответствует объекту.

9. Мы изложили в самых общих чертах основы теории залога, дав определение залога и попытавшись построить фрагментарное исчисление залогов. Мы старались показать, скорее, только принцип исчисления, нежели само исчисление в полном виде. Поэтому не следует удивляться, что ничего не было сказано о разного рода рефлексивах (так называемом прямообъектном, типа *Он повесился*, так называемом косвеннообъектном, типа лат. *Ferrum cingitur* 'Он опоясался мечом', букв. «Меч опоясался») и т. п.

Общая теория залога предполагает, вслед за построением полного исчисления залогов, рассмотрение, в частности, таких проблем, как:

- 1) залог и падеж (или шире: залог и члены предложения);
- 2) залог и каузатив;
- 3) залог, перфект и результатив, т. е. определение теоретического статуса таких явлений, как греч. презенс — *égeirō* 'бужу', перфект 1 — *égēgerka* 'разбудил', перфект 2 — *égrēgora* 'бодрствую' или кит. *фан* 'положить' — *фанжэ* 'лежать';
- 4) диатеза, залог и эргативная конструкция;
- 5) залог и категории типа грузинской версии («кцевы»);
- 6) использование морфологических залогов для обозначения незалоговых категорий (в частности, проблема медиума, интранзитивности и т. д.).

Но быть может, проблемой номер один, возникающей сразу же после того, как дано определение диатезы и залога и исчисление диатез и залогов, является проблема выбора диатезы и залога при синтезе текста. Изменение диатез, а вместе с ними и залога, по нашему глубокому убеждению, не меняет толкования глагола, т. е. его смысла. Глаголы *ругать*, *дразнить* и глаголы *ругаться*, *дразниться* предполагают одни и те же вопросы: «кто ругает, дразнит?» и «кого ругает, дразнит?», т. е. описывают одну и ту же ситуацию. Глаголы *повесить* (кого) и *повеситься* равным образом предполагают одни и те же вопросы: «кто повесил?» и «кого повесил?». Уже упоминавшийся глагол *промахнуться* предполагает четыре вопроса: «кто промахнулся?», «в кого или во что не попал?», «из чего не попал?» и «чем не попал?», т. е. описывает ситуацию с четырьмя участниками. Надо только постоянно помнить, что, говоря «предполагает одни и те же вопросы», мы имеем в виду «вопросы», относящиеся к семантике, к анализу ситуации, а не «вопросы», относящиеся к реально представленным членам предложения. В таблице соответствия между семантическими и синтаксическими актантами у глаголов *ругать* и *ругаться* по два столбца: один для субъекта, другой для объекта, хотя синтаксиче-

ски объект в первом случае выражен дополнением, а во втором может быть вообще не выражен. У глаголов *повесить* и *повеситься* тоже по два столбца: один для субъекта, другой для объекта, хотя синтаксически у первого глагола объект выражен дополнением, а у второго глагола объект не выражен, правда, совсем по иным причинам, чем у глагола *ругаться*. Различие между глаголами в разных залогах — синтаксическое: грубо говоря, семантически *ругать* и *ругаться* тождественны, синтаксически — нет. Но если это так, то, допустив теоретически, что один и тот же глагол (например, *дарить*) может иметь 34 залога (в действительности, даже больше), необходимо разработать при описании языка особый раздел в учении о залогах, где формулировались бы правила:

а) разрешения альтернативно употреблять в данном контексте как тот, так и другой залог,

б) запрещения употреблять в данном контексте данный залог,

в) предписания непременно употреблять в данном контексте только данный залог.

Но увы, таких правил по существу еще нет. Если мы, изучая родной язык, не замечаем отсутствия этих правил, то это объясняется тем, что мы овладеваем выбором залогов интуитивно. Но отсутствие таких правил в пособиях по русскому языку для иностранцев является явным нонсенсом. Мы учим иностранца, как образовать тот или иной залог, но когда и в каком контексте его употребить или наложить запрет на его употребление, мы не учим. И здесь все надо начинать, так сказать, с нулевого цикла. Такова проблема номер один — по своему значению, быть может, равная лишь проблеме выбора русского вида.

